

Алла Гудзенко

Два рассказа

Кептен Жорик

Кептен Жорик, как всегда, один. На суше он выглядит старшеклассником-аутистом. Тонкое лицо, хрупкие плечи. Медленная речь. За последние пятнадцать лет вообще не изменился.

– Жорик, у тебя на стене в гараже, наверно, висит портрет? как у Дориана Грея?

– Дориан Грей? кто это? – интересуются барышни.

Барышни режут желтые и красные помидоры. Между ангарами раскинут дастархан: мясо, зелень, коньяк. Уютно дымит мангал. Пикник в яхт-клубе.

– В гараже? Нет. В гараже у меня велик.

Жорик тоже не по оскар-уайльду. Не по декадансу, во всяком случае.

Он действительно капитан. Яхтенный. Очень хороший.

Местечковые миллионеры, на чьих яхтах Жора капитанит, ему доверяют. Он ходит с хозяевами в дальние и ближние маршруты, катает их гостей. Гости бывают разные. Вот мы, например, тем летом: фотографы, дизайнеры, музы, пажоны и даже один настоящий сантехник по имени Юра Гагарин. Большая компания приятных друг другу людей. Какому миллионеру в том сезоне капитанил Жора, не помню, но яхта была достаточно вместительной для двадцати человек. Мы ее арендовали для путешествия на Тендровскую косу. Одесские купцы не брезгают сдавать свои яхты за умеренную мзду для покатушек. «Катарина» – судно без кандибоберов: нет кают в коврах, стюардов с фарфором. Но есть деревянная палуба и полный комплект

парусов. Весело распили первую бутылку шампанского и стартовали – из яхт-клуба в Отраде.

Ясное небо, чистое море. Курс на Тендру!

(Зонг о яхт-клубе) Черноморский яхт-клуб, где мы сидим сейчас у осеннего мангала, – это вообще не о кандибоберах. Это о любви к парусам, моторам и морю. О доскональном знании предмета. Знания о яхтинге здесь передают из рук в руки уже пятому поколению. Детишки на здешних причалах и понтонах – продолжатели традиции. Если только неосмотрительные миллионеры не застроят территорию безумными коттеджами. Или высотками. Тогда прервется связь времен. Детей перестанут учить парусному делу. Миллионерские яхты некому будет водить – капитаны переведутся. А безмозглая застройка все равно сползет в море, со всем вложенным в нее инвестиционным баблицем. Сползет раньше, чем баблице успеют отбить. И пострадавшие начнут отбивать застройщиков. На здешних склонах строить нельзя. Инженеры охрипли, приводя аргументы, и намозолили руки, выкладывая цифры статистики.

Так вот. Из живого (дай бог, на долгие годы, яхт-клуба) мы берем курс на Тендру. Эта песчаная коса в открытом море с дикими лошадьми, эндемичными бабочками; населена пограничниками. Есть древний маяк и его смотритель. Тендра – экологический заповедник. Является стратегическим объектом. Отсель можно грозить... не помню кому. Но можно. Можно загорать гольшом, плавать в открытом море, фоткать дельфинов и невозможные закаты. Ловить рыбу и тут же жарить ее на костре. Забыть о цивилизации дня на четыре. Пока яхта не заберет обратно к людям. Вся веселая компания выгрузилась с палатками тусить на Тендре. А мне к вечеру надо было попасть в Одессу. Что-то там у меня горело.

– Ветер крепчает, – задумчиво сказал щуплый капитан. С борта «Катарины» он наблюдает, как настоящий сантехник Юра Гагарин бешено гребет веслами. Я возвращаюсь с очарованного берега на «Катарины». Гагарин сказал – поехали! и повез меня в шлюпке. С третьей попытки подобрались к яхте. Снялись с якоря и вышли в море. Вариантов, даже при крепчающем ветре, не было. При шквальных порывах в незащищенном пространстве «Катарины» не удержится на якоре возле косы. Влетит в отмель или унесется вдаль. У кептена Жоры не хватит велосипедов рассчитаться с хозяином.

Шторм настиг нас к вечеру.

Крепчал ветер, и вместе с ним волна. Начался дождь.

Команда, однако, работает так, что кажется – все под контролем. Нам что-то угрожает, возникла смутная догадка, когда экипаж надел спасательные жилеты.

– Ребята. А вы чего? – спросила мокрая от волн я у мокрой от ливня команды.

– А, это так, чтоб теплей было.

Шторм оказался семибальным. А капитан Жора невозмутимым. Единственная каюта – по колено в воде. Отказала связь, горючее на исходе, ночное небо слилось с морем, и алкоголь в одно мое лицо уже не спасал от истерики. Помню молнии, себя на палубе. Прикипевшего к рулю Жору с неподвижным профилем. Маневры с парусом, чтоб дотянуть с остатками горючего до берега.

– Иди в каюту, – сказал Жора. – На тебе черпак, иди, вычерпывай воду оттуда.

С черпаком и просидела до утра. С мыслью – «Нет. Не в этот раз».

Утро просияло безмятежным солнцем.

В Одессе стало известно, что этим ночным штормом перевернуло две яхты в море.

Со стоянки в яхт-клубе сорвало несколько судов.

А мы дошли. Стоим на якоре. Экипаж матерно обсуждает события ночи.

– Я пару раз думал, что нам п-дец, – говорит капитан. И выпивает полстакана водки, чудом спасшейся от меня.

И вот мы снова сидим в яхт-клубе. Октябрь. Сегодня в море не выйдем, волна.

Бычок при таком волнении тоже не клюет. Удочки сиротливо стоят у яхтенных ангаров.

Барышни скармливают причальным кошкам наживку – куриные сердца.

В бетонный пирс бьется море. По причалу, размахивая ушами, носится рыжий бигль. У моря чувствуешь себя вечным.

Жоре не нужен волшебный портрет. У него есть паруса. И велик в гараже.

Иду на вы

«Как я иду на гуся! Шура! Он шипит на меня, он думает, я его боюсь...»

Когда овчар Вуди идет на стаю, он скорее Паниковский, чем Белый Клык. Лапу не приволакивает, нет. Он вообще пес бесхитростный, не лукавый. Так овчаркам и положено. Но хамства не любит сильно. Вот рысит он по делам променадным: где почту подкустовую прочтет, где сам заметку оставит. Голуби, бывает, соберутся группой больше трех. Надо разогнать. Вороны частенько ведут себя кое-как, тоже непорядок. И если разогнаться и с рыком утробным по газону в парке на них налететь – море удовольствия. Вороны, конечно, потом с веток хамят по-всякому. Вот слышно прямо, как нецензурят. Ну, то так. На ветке они в своем праве, пусть говорят... И вот, когда, описав шикарный полукруг в погоне за вороньим хвостом, Вуди со скрежетом тормозов закладывает обратный вираж – из кустов вылетает бродячая стая. Песья стая. Разномастные жертвы людской «сердобольности». Выгнанные из дому еще поколения два назад. И не знающие с тех пор ласки, кроме костей от обеда фланирующих. Ну и там по мелочам – стянуть чего, выклянчить, кошку съесть.

– Оппа, фраер! – залиvisto начинает истерить впередигавкающий. Обычно это шавка мелкого формата. – Пацаны! Фраер!

– Где-где-где? – приближаются из кустов клочковатые пацаны. – Кто-кто-кто? – кричат в морду Вудяне с расстояния собачьего бреха.

Он, не остыв еще от вороньей погони, развернув рыжий корпус боком, останавливается. Смотрит рассеяно в пространство. Брех смолкает. Вуди совершает сдержанный мах хвостом. Строго в одну сторону (обратно хвост возвращается автоматом).

– Добрый день.

– Ааааа! – наперебой голосит стая. – В жопу засунь свой добрый день! Ты ваще кто такоооой? Ты че здесь скачешь?! – накручивают себя во все голоса. Ярятся всеми пастями.

В стае бродячей может быть много собак. Не путать с собачьей свадьбой. Там не родство, не кумовство – так, кобеляж. Бежит

девчонка, вся в охоте, ну и стройся за ней в хвост. А там – как звезды встанут: этому дала, этому дала, а этому не дала. Непредсказуемо сучье хотение. И веление тоже. Если шо – грызть будут всей свадьбой, и кому дала, и кому не дала. Эти – особенно злобно. В надежде на милость. Беспредельщики. Потому биться с собачьей свадьбой никому не резон. Обойти, просто обойти. Даже если ты волкодав.

Но собачья стая – это такой прайд, который «держит» свою территорию. Люди там и другие всякие думают, что это парк. Место для культуры и отдыха. А стая имеет свое мнение. И вот уже битых минуты три вгавкивает его Вуди в уши. И начинает смыкать круг, обрадованная его недвижимостью. Мелкий дерзец подскакивает поближе, клацает зубами где достанет – у ляжки обычно. Вуди парирует выпад символическим хлопком пасти. И промедлив секунду, пускается в галоп. Вон из смыкающегося круга, прочь от стерженеющей стаи. Широким махом. Распустив по ветру хвост.

– Аяаяаяй! – радуется стая – Улюлю! – и вскачь за ним. Во все оскаленные пасти. Нагоняют, неистовствуют.

Вот уже самый борзый, вырвавшись на полкорпуса, подлетает в прыжке, чтоб вцепиться и терзать. И тут Вуди молниеносно разворачивается и совершенно неуловимым движением подминает гопника под себя. И начинает учить, строго, по-овчарочьи. Без единого звука. Только башкой мотает, в которой зажато, что в зубы подвернулось. Не рвет, нет. Треплет. От души. От всех полцентнера массы.

– Ай-ай-ай! – голосит отпрыгнувшая на полскачка стая. А мелкий дерзец, тот, что первым начал шухер, вообще заполошничает: – Убиваааают! Ой, рятуйте, собаконьки!

Раздраженный визгом Вуди выплевывает то, что было в зубах (это незамедлительно уносится вдаль). И начинает гонять стаю. Что удивительно – все молча. Даже рыка, как на ворон, на них не тратит. Рассеяв собачью гопоту по дальним кустам – они уносятся врассыпную, совсем не так, как наступали, гуртом, – рысит ко мне. Холка чуть вздыблена, в глазах вопрос.

– Ничего, что я тут это?.. А чего они, в самом деле...

– Молодец, Вудяня. Молодец. Смотри – вороны!